

Культура. - 1991. - 21 сент. (№2). - С. 11.  
КАК ТАМ АДОЛЬФ ШАПИРО?

Рубрика, похоже, звучит панибратски. Эдакое «...с Пушкиным на дружеской ноге». Но здесь — другое. Когда общество сотрясают перемены, когда приходят испытания, естественно, хочешь знать о тех, кто известен, интересен, талантлив, а, порой, и конфликтен. Взоры общественности вновь обращены теперь к творческим людям и целым коллективам, чьи позиции, действия и раньше приковывали внимание. Хочется получить побольше информации. Узнать, что изменилось в их судьбе, что они делают, о чем думают. Да просто наконец, как они живут сегодня.

## ДВА ЯЗЫКА — ОДНО ДЕЛО

Немногим более трех месяцев прошло со дня нашей последней встречи с главным режиссером Рижского молодежного театра, президентом Международной ассоциации молодежных театров Адольфом Шапиро («СК», 8 июня 1991 г.). Но это месяцы и дни кардинальных изменений в жизни страны и общества. В частности, мы оказались жителями Латвийской республики, независимость которой признана уже многими странами, в том числе СССР. Мне захотелось продолжить разговор с Адольфом Яковлевичем, ставшим недавно еще и директором Рижского молодежного, с вопроса, на который он отвечал ранее:

— У вас практически два театра: латышский и, выражаясь современным политическим языком, русскоговорящий. Как вам работаете сейчас?

— Как всегда трудно. Но в том смысле, о котором вы спрашиваете, — хорошо. В театре совершенно другое настроение. Политическая определенность позволяет каждому из нас располагать себя в определенном жизненном пространстве.

Время подтвердило — конфликт нашей республики разгорался прежде всего между силами реакции и прогресса, что творческая интеллигенция осознала давно. Сложные времена переживала республика, но я горд тем, что в нашей русской труппе не нашлось ни одного человека, который занимал бы позиции, хотя бы мало-мальски близкие Интерфронту. А в латышской, на мой взгляд, нет антирусских настроений. Тем более сейчас.

Да, у нас две труппы. Но мы всегда были одним коллективом, исповедующим общие художественные принципы, одни человеческие устремления. Это с особенной ясностью

ощущаю сейчас, когда с двумя труппами работаю над одним спектаклем. Кстати, для работы в латышской труппе я решил пригласить талантливых людей — молодого режиссера Романа Мархолиа из Севастополя и художницу Ирину Нирод из Львова, которые уже давно вместе работают. Перед этим, естественно, посоветовался с актерами — мало ли что. На меня посмотрели с недоумением: зачем, дескать, об этом спрашиваю.

Если же говорить об окружающей нас обстановке, то тут непросто. Как мне кажется, многие русскоговорящие жители республики сомневаются в том, что Латвия станет государством, в котором все будет обладать равными правами. Тем более что такие настроения нередко подогреваются радикалами с обеих сторон.

— А вы не сомневаетесь?

— Я верю в то, что демократия победит. Хотя все еще возможно. И растерянность людей может стать благодатной почвой для очередной попытки реакционеров. Тут многое зависит от интеллигенции: идти в народ, к политикам, оказывать мощное и сильное влияние на обывателя, в том числе и от политики, не дать возможность реакции воспользоваться радикальными настроениями, чтобы увести нас к тоталитаризму.

— Как, по-вашему, сложится судьба русских театров в независимой Латвии, вообще русской культуры здесь?

— Если у власти будут демократы, у нас будут все возможности для счастливого существования и взаимообогащения с культурами национальными. В свободной демократической стране, развивающейся по принципу рыночной экономики, будут открыты границы, будет, наконец, и рынок жилья. А это значит — будет обмен с российскими

театрами, актерами, режиссерами, пьесами. Да и латышские не смогут развиваться, варясь лишь в собственном соку. Им нужен выход и на Запад, и на Восток. К тому же давние традиции Риги как ганзейского города просто обязывают нас к взаимообогащению культур.

— Во время путча вы находились в Японии как президент Международной ассоциации молодежных театров и выступили по телевидению, в печати с резкими антипутчистскими заявлениями. Позиция коллектива театра в ваше отсутствие была такой же?

— Конечно же, в Японии я жалел о том, что оказался в трудный момент вне театра. Однако возвратившись, убедился, что позиция коллектива была вполне адекватной той, которую занял я сам. Да и по-другому быть не могло, иначе зачем мы столько лет живем и работаем вместе, общая в своих спектаклях отстаиваем идеи свободы и демократии!

Кстати, хотелось бы сказать несколько слов о солидарности и поддержке, которую выразили в этой связи жители Японии, представители деловых и творческих кругов. Да и не только они, но и скандинавы, англичане, французы — словом, все, кто оказался тогда рядом с нами. За рубежом радовались победе демократических сил в нашей стране, как будто они впрямую касались их самих. Впрочем, так оно и есть. Могу сказать, что и нашу беду, связанную с Чернобылем, многие воспринимают там, как свою. Вот почему в Японии мне удалось согласовать программу помощи нашим молодежным театрам, оказавшимся в зоне радиационного бедствия. В первую очередь она коснется Брянского молодежного театра, а потом и других.

— И последний вопрос: над чем вы сейчас работаете?

— С обеими труппами над одной и той же пьесой, которую написал сам по мотивам сказки Андерсена «Гадкий утенок». Я вижу в ней тему индивидуальности в обществе, которую считаю очень важной и актуальной. Речь пойдет не только о взаимоотношениях общества и личности, но об осознании человеком и обществом того факта, что именно в индивидуальных свойствах и способностях личности сила не только ее самой, но и общества.

Это будет не просто дуближ одной пьесы на два языка, а два разных спектакля, потому что у каждой труппы свои особенности, свои актеры, разная ментальность, да и разный зритель. Этим спектаклем рижская труппа откроет свой 50-й сезон 22 сентября. Русскому же зрителю придется немного подождать. Задержка связана со съемкой в нашем театре Центрального телевидением фильма-спектакля по пьесе И. Бродского «Демократия».

Э. ГОВОРУШКО.  
(Наш соб. корр.).

РИГА.

84